

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 208-215
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.208

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Central Asian Slave-Owning Society (the first half of the XIX century): to the Issue of Crime and Punishment of Slaves

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Elena K. Mineeva ^c, Olga A. Efimova ^d, Larisa A. Koroleva ^e

^a Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

The paper deals with the problem of crime and punishment of slaves in the Central Asian slave-owning society in the first half of the XIX century. There has been made an attempt to classify crimes.

Russian captives who were enslaved in Central Asia and released in 1839 were used as sources by the authors. These documents were deposited in the case of the release of 80 Russian captives from the Khanate of Khiva, stored in the State Archive of the Orenburg region (Orenburg, Russian Federation).

In conclusion, the authors state that in the Khanate of Khiva, as such, there were no rules on the crime and punishment of slaves: each slave owner disposed of a slave at his discretion and treated him as property. The slaveholder had the legal right to dispose of the slave's life, but he was in no hurry to deprive him of his life, since the slave could almost always be resold. The most common were preventive punishments – beating a slave in order to demonstrate his social status. For theft or not going to work, the slave owner could apply the following types of punishment – cut off ears or nose, torture or even kill his slave. One of the most serious crimes in the slave-owning society was the attempt of a slave to escape from his master. And here the slaveholders acted taking into account their interests, in most cases the punishments were expressed in severe beatings, flogging, torture; however, if the Khan of Khiva intervened in this matter, the victim of escape was doomed to a painful death. One way or another, the life of the captives in the Khanate of Khiva did not differ in its duration, it was influenced by exhausting labor, hunger, beatings and mutilation. Only a few could live ten years in slavery, and only a few could live 20 or more.

Keywords: Central Asia, slavery, Khiva Khanate, first half of the 19th century, punishment system, slave owners, slaves.

1. Введение

Вопросы наказания рабов за различные преступления являются малоизученной темой в истории рабства. Тяжесть наказания за одни и те же преступления для рабов у разных народов могла существенно отличаться. В данной работе на примере свидетельских показаний освобожденных в 1839 г. 80 русских пленников из Хивинского ханства предпринята попытка рассмотреть аспект преступления и наказания лиц самого низкого статуса в рабовладельческом обществе – рабов.

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

2. Материалы и методы

В качестве источников мы использовали материалы опросов находившихся в рабстве в Центральной Азии русских пленников, освобожденных в 1839 г. Данные документы отложились в деле об освобождении из Хивинского ханства 80 русских пленников, хранящемся в Государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация).

Одним из главных методов в данном исследовании был историко-антропологический, целью которого являлась попытка реконструировать систему нравственного поведения центральноазиатского рабовладельческого общества в отношении лиц самого низкого статуса – рабов. Помимо этого, применялись такие традиционные методы, как историко-сравнительный и историко-географический, что позволило выявить региональные особенности в поведении рабовладельцев по отношению к рабам и определить влияние географической среды (восточная деспотия) на рабовладельческое общество.

3. Обсуждение

Вопросы рабства в Центральной Азии и, в частности, на территории Хивинского ханства начали изучаться еще во второй половине XIX века. Так, одним из первых упоминал о рабстве в Хиве А.П. Хорошихин (Хорошихин, 1876), позднее эта тема затрагивалась в «Историко-статистическом очерке Оренбургского казачьего войска», составленном Ф. Стариковым (Историко-статистический очерк, 1891). В советский период эта тема находила свое отражение в работе Н.А. Халфина «Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)» (Халфин, 1974).

В современный период различные вопросы рабства в Хивинском ханстве рассматривались в целом ряде наших, в том числе индивидуальных работ (Ermachkov et al., 2021; Ermachkov et al., 2021a; Ermachkov et al., 2021b; Ermachkov, 2021).

Хивинская тематика в это время изучалась в контексте торговых отношений с Центральной Азией (Bulgarova et al., 2020), обращались авторы к этническому составу и территориальному устройству ханства (Вдовин, Сыздыкова, 2021), рассматривалась роль казачества в хивинском походе (Tarasov, 2021), а также события самого хивинского похода 1839–1840 гг. в контексте англо-русского противостояния (Родин, 2022). Изучались и контакты участников хивинских походов с местным населением (Дубовиков, 2017).

Были и более близкие к нашей теме исследования. Например, предпринимались попытки сравнительного анализа черкесского и центральноазиатского рабства (Zinkovskii et al., 2021), изучались взаимоотношения Хивинского ханства с соседями в период первой половины XIX века (Вдовин, 2022), рассматривалась проблема подъема по «карьерной лестнице» бывших русских пленников в среднеазиатских ханствах (Почекаев, 2017). Среди новых коллекций документов по вопросам рабства нужно отметить работу «Черкесские невольничьи повествования» (Cherkasov, 2020).

4. Результаты

Сами рабовладельцы редко становились авторами свидетельств о том, как наказывались рабы за провинности, так как рабы являлись их собственностью, и рабовладельцы были «вольны» распоряжаться рабами по собственному усмотрению. В связи с этим мы хотели бы привлечь в качестве источника материалы опросов самих бывших рабов, которые были освобождены из неволи в Центральной Азии.

Как такового свода о преступлениях и наказаниях в Хиве не существовало. Хозяин сам определял меру наказания для своего раба. Проступки, по мнению рабовладельцев, подлежащие наказанию, были самыми разнообразными: это и так называемые профилактические мероприятия, то есть наказания без причин; кража и подозрение на него; не выход раба на работу; попытка побега; подозрение в шпионаже и т.д. Рассмотрим эти примеры по отдельности.

Профилактические наказания

Об этом виде наказания есть несколько показаний бывших хивинских пленников. Так, захваченный в плен в 1835 г. в 16-летнем возрасте Иван Салопин, житель Астраханской области, показал, что он в Хиве «занимался поливанием садов и претерпевал от хозяина побои и притеснения» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 74об.).

Побои рабов являлись обычными практиками. Об этом имеются показания и Ивана Мартынова (крестьянин Пензенской губернии), который был захвачен в плен на рыбном промысле в Каспийском море в 1826 г. Несмотря на то, что Мартынов побеги не совершал, «нередко хозяином был бит» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 89). Избиениям во время земляных работ подвергался и захваченный в 1824 г. черноморский казак Иван Лукьянов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 107об.), а также Павел Михайлов, захваченный в плен в 1823 г. на Каспийском море: «Во время проживания моего у Мадрасы, я наказан был несколько раз, без всякой причины» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 113). В показаниях другого бывшего пленника Ивана Михайлова, астраханского мещанина, захваченного в плен на Каспийском море в 16-летнем возрасте в 1831 г., который побегов не

предпринимал, есть интересное свидетельство: «Бит иногда был по строгости хозяина» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 120об.).

Интересны показания также Ивана Лаврова, крестьянина Пензенской губернии, захваченного на Каспийском море в 1823 г.: «Во время проживания моего у Мамет Ниязбая (в рабстве. – Авт.) я был несколько раз наказан без причины» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 109об.).

Профилактические наказания применялись в отношении рабов часто беспричинно, только потому, чтобы раб помнил о своем социальном статусе. Случалось, что и рабы, не понимая за что они пострадали, оправдывали это «строгостью хозяина». В рамках этих профилактических мероприятий широко применялись побои рабов, однако могли быть и другие наказания.

Подозрение в краже

О наказании за подозрение в краже есть свидетельство Афанасия Стрижева, оренбургского казака, захваченного в плен в 1819 г.: «Во время проживания моего у Сеитметьараба пропал у жены его головной убор и прочее имущество, то он в краже этих вещей подозревал меня, и за что наказывал трое суток плетьюми, жег мне раскаленными железными щипцами у левой ноги икру; но после этого вещи те нашел он у племянника своего Алланазара Араובה» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 146).

В случае, если виновность в краже была доказана, то за такое преступление, согласно показаниям Ивана Лаврова, «резали носы» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 109об.).

Согласно имеющимся показаниям за кражу рабу могли отрезать нос, а в рамках мероприятий дознания могли применяться многодневные пытки плетью в сочетании с раскаленным железом.

Не выход на работу по состоянию здоровья

Бывший русский пленник Афанасий Стрижев сообщал, что «у Хивинца Алланазара Араובה в Хиве находился Русский пленник Астраханский мещанин Николай, по прозванию неизвестный, и он его убил за то, что он не хотел идти на работу и отзывался больным» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 146об.). Это единственное в своем роде наказание за не выход на работу по причине болезни. Тем не менее этот эпизод свидетельствует о деспотичности и психологической неадекватности как минимум некоторых рабовладельцев, которые готовы были пожертвовать рабом в угоду своим коммерческим интересам.

Наказания за попытку побега

Одним из самых тяжелых преступлений считался побег. Как правило, рабовладельцы, а иногда и хивинский хан, предпринимали усилия за возвращение своей собственности. Так, об этом есть показания бывшего пленника Алексея Самойлова, казака Оренбургского казачьего войска. В сентябре 1838 г. казак Самойлов раненым был захвачен в плен киргизами, после излечения он был продан в рабство и находился на работах. Самойлов в своих показаниях отмечал: «Нынешнею весною (имеется в виду 1839 г. – Авт.), когда из Хивы бежали 4 Русских пленника, то Хан тотчас послал одного Хивинца к кочующим близ Хивы Киргизам, чтобы они непременно отыскиали их и привели к нему, за что обещался выдать по три золотых монеты за каждого; но после четырехдневного поиска посланный возвратился с донесением, что бежавшие не отысканы» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 80об.).

В большинстве случаев бывшие рабы не упоминали деталей о том, как были наказаны за побег. Так, например, Александр Иванов, бывший житель Илецкой крепости, захваченный в плен в 1825 г., спустя 10 лет совершил побег, но «был пойман и жестоко наказан; после чего уже намерения к побегу не предпринимал» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 160б.).

В 1812 г. из Тамбовской губернии был отправлен на Кавказ рекрут Харитон Щеглов, который вскоре был захвачен лезгинами и продан ими в Хиву. Бывший рекрут Щеглов трижды предпринимал попытки бегства из рабства, но «был ловлен и наказываем жестоко, так что и теперь правою рукою от побоев владеть не могу» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 76).

Представляет интерес история побега еще одного пленного – Степана Яицова, крестьянина Нижегородской губернии. В 1833 г. он был захвачен на рыбных промыслах киргизами и отправлен в деревню Саяте, где находился на земляных работах. Из показаний С. Яицова: «Во время проживания в Саяте я в бегах находился один только раз с жившим вместе со мною пленником Иваном Ефремовым Лутковым, который ныне привезен сюда; но чрез пять дней после побега были пойманы за Сыр-Дарьей Туркменцами 6 человеками и представлены обратно в Саят, где за это наказаны палками и плетьюми» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 86).

Побег предпринимал и захваченный в плен в 1836 г. Михаил Катков, крестьянин Саратовской губернии: «Я достался Туркменцу Тюрелау (при разделе добычи. – Авт.), у которого, пробыв дней шесть, бежал, имея намерение выйти на Ново-Александровское укрепление; но, пройдя ночей десять, – днем я скрывался в горах – без пищи, я принужден был зайти в кибитку к Туркменцу-же; он обошелся со мною ласково, и обещался сам проводить в укрепление, но вскоре приехал к нему хозяин мой Тюрелау, и увез меня в свой аул, наказав жестоко за побег» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 100-100об.).

О побегах из рабства давал показания и крестьянин Астраханской губернии Егор Петров, который был захвачен на Каспийском море в 1826 г. Он пять раз делал побеги и каждый раз был «ловлен и жестоко наказан» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1060б.). Аналогичные показания есть и у Александра Скворцева, рабочего Илецкого соляного правления, захваченного киргизами в 1821 г.: «В продолжении сего времени (рабства. – Авт.) я сделал было один раз побег, но был пойман и жестоко наказан» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 107).

О неудачном побеге имеются показания Якова Нефедьева, крестьянина Тульской губернии, захваченного в плен в 1833 г.: «Я и везенный вместе с нами, взятый в плен после нас крестьянин Г. Всеволожского Иван по прозванию неизвестный также сделали было побег, но чрез 8 дней были пойманы Киргизами 6 человеками и отданы обратно пленителям, которые наказали нас жестоко плетью и саблями» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1120б.).

О мере наказания за побег Иван Лавров дал следующие показания: «Пленников за побеги сажают на кол и, как я знаю, назад тому три года находившееся у Хана и у Хивинцев: Раим-берди-бия Матджам Маряма, и Клыч Ниязбая 4 человека Русских пленников: Астраханский мещанин Николай Васильев Камышев, Владимирской Губернии Государственный крестьянин Василий, Нижегородской Губернии Государственный же крестьянин Иван и Оренбургского Казачьего войска казак Леонтий по прозваниям которых не знаю, бежали было от них, но чрез месяц пойманы были близ Ново-Александровского укрепления Киргизами и доставлены в Хиву, которых Хан посадил на кол, за воровство же режут носы» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1090б.). Об этом же случае посадке беглецов на кол есть показания и у Петра Бушуева: «Назад тому 4 года, бежали из Хивы 4 человека Русских; из коих я знаю только одного по прозванию Камышева, Астраханской губернии, Красноярского уезда – но не доходя на один день пути до Ново-Александровского укрепления, были пойманы Киргизами, привезены обратно в Хиву и доставлены к Хану, по приказанию коего тотчас были посажены на кол. Хозяева их, от коих они бежали, хотели было просить Хана об освобождении их, но не были допущены к нему Бекниязом Диванбегием, который сказал им, что если хозяева будут потакать Русским, то они все разбегутся. Потом, на другой год были посажены на кол еще двое Русских, Тихон Резаков – тот самый, который выбежал в Россию с пленником *Греу именным* (Груженным? – Авт.), но снова бежал в Хиву – и Иван Аршинов, пойманные при побеге в Бухарию; с ними бегал еще брат Аршинова Михайло, который так же подвергнулся бы этому наказанию, но угодив в каком-то случае к Ханскому брату Инаку, остался у него, и проживает до сих пор. У Ивана Кучина, бывшего моего работника (До плена. – Авт.), находящегося у Бекнияза отрезали нос за побег» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 127-1270б.).

Таким образом, за побег наказание могло быть разнообразным: от побоев, в том числе с последующим увечьем, отрезания носов до посадки на кол. При этом нужно понимать, что рабовладельцы, как правило, не стремились к казням своих рабов, так как для них любой раб являлся «инвестициями», то есть его всегда можно было перепродать. Однако этого нельзя было сказать о хивинском хане (яркий пример «восточной деспотии»), который в назидание другим рабам обрекал жертв побега на мучительную смерть.

Подозрение в шпионаже

Благодаря показаниям Петра Бушуева были установлены и детали убийства в Хиве русского пленника Егора Щукина: «В Хиве были получены в начале 1838 года от содержащихся здесь Хивинцев письма, – но от кого именно, не знаю – в которых они писали, что пленник Егор Щукин посылал из Хивы на имя Государя Императора прошение о вырубке его и других пленников из Хивы, и что задержание их, Хивинцев, последовало в следствие этого прошения Щукина. Его приводили к Хану, который, показывая ему письма здешних Хивинцев, спрашивал, действительно-ли он посылал прошения к Государю Императору; но Щукин говорил, что он ничего не писал сюда, кроме писем жене и родственникам. Хан его отпустил; но потом вскоре Бекнияз Диванбегий, хозяин наш, отослал его в город Урганч – это было в третьи Воскресенье после праздника Св. Пасхи – с Хивинцем Мирсеитом. По возвращении Мирсеита, он мне рассказывал, что по привозе Щукина в Урганч, он отдал его, по приказанию Бекнияза, Хивинцу Ишниязу Маметьянзову; тому самому, который в 1838 году приехал сюда с 5 человеками пленников и задержан здесь – что Ишнияз, продержав его у себя три дня, Понедельник, Вторник и Среду, в Четверг с другими четырьмя человеками Хивинцами, имена коих я запомнил, вывел за город, где Щукин, по приказанию его, вырыл яму, а потом Ишнияз дозволил ему помолиться Богу, и велел ложиться в вырытую им самим яму, для того, что бы они зарыли его, говоря, что на это есть воля Хана. Щукин, помолясь Богу, сказал, что он не ляжет сам в яму, потому что не сделал никого преступления; и что если на это есть воля Хана, то исполнять ее должны пашаты /палачи/; Ишнияз сказал ему, что Хан, присудив его на смерть, отдал на волю Хивинцев, а потом видя неповиновение Щукина, ударил его саблею по шее; из бывших-же притом Хивинцев двое накинули на него веревку, и потащили в яму. Щукин долго сопротивлялся было противу этого, но ослабев от нанесенного Ишниязом саблею удара, от которого много истекло крови, был стащен в яму, и закидан землею.

Щукин был человек честный, умный и добродетельный. Бекнияз Диванбегий, видя в нем эти достоинства, в особенности-же знание им грамоте, приставил его с позволения Хана к тамошнему сараю. Место это весьма доходное, и Щукин снабжал многих Русских пленников деньгами и вещами» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 128об.-129об.).

Очевидно, что разбор дела о подозрении в шпионаже относился к компетенции самого хивинского хана. Как правило, такие преступления наказывались смертью.

О положении русских рабов в Хиве

Согласно показаниям Алексея Самойлова, в рабстве с ним был русский крестьянин Пензенской губернии Иван Матвеев, захваченный в плен 9 лет назад. Примерно в 1838 г. Матвеев в рабстве и умер (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 80). Аналогичные показания о русских пленниках, умерших в рабстве, есть и у бывшего крестьянина Нижегородской губернии Якова Редькина, захваченного на Каспийском море в 1828 г. вместе с тремя товарищами (Яков, Иван и Афанасий). Все четверо были доставлены в Хиву, из них все, кроме Якова Редькина, в рабстве и умерли (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 71об.).

Весьма информативны показания бывшего пленника Петра Бушуева, крестьянина Астраханской губернии, захваченного в плен на Каспийском море в 1832 г.: «У Бекнияза Диванбегия, когда я был куплен им, было Русских пленников 22 человека, потом, после меня еще куплены двое, а всего было нас 25 человек. В продолжении бытности моей у него семь человек из тех пленников померли, большею частью от побоев, именно: Иван, Андрей, Василий, Сидор, Александр, по прозваниям неизвестные, Матвей Греков, – последнего-же не знаю – из коих Греков Московской губернии, но какой человек, а также и прочие что за люди, не знаю, только Василий сказывал мне, что он Оренбургский козак» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 126об.).

О последнем периоде жизни в рабстве бывших хивинских пленников есть несколько свидетельских показаний:

Так, Харитон Щеглов показал: «В Хиве с пленниками обходятся дурно: изнуряют работами, наказывают, не дают довольно пищи и водят почти нагих» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 76об.).

После того как в России были задержаны хивинские купцы, Иван Лавров показал, что с пленниками в Хиве «обходится хуже изнуряют больше работою, наказывают безпричинно, не дают довольно пищи и водят почти нагих» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 110-110об.).

Ранее упомянутый Петр Бушуев дал показания и об особенностях жизни русских рабов в Хиве в период после задержания хивинских торговцев в Оренбурге: «С того времени, как задержаны здесь Хивинцы, русским пленникам хозяева не дают ни жалованья, ни одежды, говоря, что они теперь у них не работники, а гости, даже выдачу пищи противу прежнего уменьшили. Но с тех пор никто из русских пленников не был жестоко наказан; за побегу уже не сажают на кол и не режут ни ушей, ни носа» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 128об.).

Резюмируя, нужно отметить, что положение русских рабов в Хиве отличалось своей бесчеловечностью, степень сохранности рабов в рабстве была прямо пропорциональна срокам их пребывания в Хиве. Чем больше раб жил в Хиве, тем выше была вероятность его смерти. В этом отношении случай с Яковым Редькиным и его тремя товарищами показателен: за 11 лет рабства в живых остался только сам Редькин, то есть из четырех рабов, захваченных в 1828 г., в живых осталось только 25 %.

Угрозы наказания

Отдельно можно отметить и такой метод воздействия, как угроза наказания. В этом отношении интересны показания 18-летнего Матвея Еремина, который в 14-летнем возрасте был взят в плен и находился в Хиве в рабстве. Из показаний М. Еремина: «Назад тому около 3 месяцев пронесся слух, что Хан Русских пленников хочет отпустить в отечество. Хозяин мой Аллакул, услышав об этом, начал меня уговаривать, чтоб я не ездил в Россию, страшая что если я каким-либо случаем угожу опять к нему, то он отрежет мне нос или уши; но я объявил, что хотя-бы он и убил меня, если я угожу снова к нему, а все-таки пойду в Россию» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 84об.-85). Таким образом, отрезать нос или уши рабу в Хиве было делом не исключительным, так как с физической точки зрения раб, по мнению рабовладельцев, ничего не терял, что могло сказаться на его рабочей производительности.

5. Заключение

Завершая, мы должны констатировать, что в Хивинском ханстве как таковых правил о преступлении и наказании рабов не существовало: каждый рабовладелец распоряжался рабом по своему усмотрению и относился к нему как к собственности. Рабовладелец имел законное право распоряжаться жизнью раба, но лишать его жизни не торопился, так как раба практически всегда можно было перепродать. Наиболее распространенными были профилактические наказания – нанесение побоев рабу с целью демонстрации его социального статуса. За кражу или не выход на работу рабовладелец мог применить следующие виды наказания – отрезать уши или нос, подвергнуть

пыткам или даже убить своего раба. К наиболее тяжким преступлениям в рабовладельческом обществе относилась попытка бегства раба от хозяина. И здесь рабовладельцы действовали с учетом своих интересов, в большинстве случаев наказания выражались в жестких избиениях, порке, пытках; однако если в это дело вмешивался хивинский хан, то жертва побега обрекалась на мучительную смерть. Так или иначе, жизнь пленников в Хивинском ханстве не отличалась своей продолжительностью, на это влияли изнурительный труд, голод, побои и увечья. Десять лет в рабстве могли прожить лишь немногие, а 20 и более – единицы.

Литература

Вдовин, 2022 – Вдовин С.С. Взаимоотношения Хивинского ханства с соседями в первой половине XIX в. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022. Т. 12. № 8(89). С. 3079-3086.

Вдовин, Сыздыкова, 2021 – Вдовин С.С., Сыздыкова Ж.С. Этнический состав и территориальное устройство Хивинского ханства XVIII–XIX вв. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2021. Т. 11. № 7 (76). С. 1996-2004.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Дубовиков, 2017 – Дубовиков А.М. Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казаками // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2017. № 1(21). С. 74-94.

Историко-статистический очерк, 1891 – Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. Оренбург, 1891.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Из рабов в господа: «карьера» русских пленников в среднеазиатских ханствах XVIII–XIX вв. // *История государства и права*. 2017. № 18. С. 58-63.

Родин, 2022 – Родин Д.В. Хивинский поход В.А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо-русского соперничества в Средней Азии // *Журнал фронтирных исследований*. 2022. Т. 7. № 1(25). С. 34-57.

Халфин, 1974 – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.

Хорошхин, 1876 – Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

Bulgarova et al., 2020 – Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E. The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1093-1100.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 110-117.

Ermachkov et al., 2021a – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171-1180.

Ermachkov et al., 2021b – Ermachkov, I.A., Baibarın, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1779-1788.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 26-34.

Tarasov, 2021 – Tarasov M.G. Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1181-1190.

Zinkovskii et al., 2021 – Zinkovskii S.B., Malakhova V.Yu., Denisov I.S., Makarov Yu.N. Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 689-698.

References

Bulgarova et al., 2020 – Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E. (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 57(3): 1093-1100.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

Dubovikov, 2017 – Dubovikov, A.M. (2017). Uchastniki khivinskikh pokhodov o kontaktakh s khivintsami i kazakhami [The participants of Khiva campaigns about contacts with Khiva and Kazakhs]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 1(21): 74-94. [in Russian]

[Ermachkov et al., 2021](#) – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody*. 16(1): 110-117.

[Ermachkov et al., 2021a](#) – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.

[Ermachkov et al., 2021b](#) – Ermachkov, I.A., Baibarina, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1779-1788.

[Ermachkov, 2021](#) – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

[Istoriko-statisticheskii ocherk, 1891](#) – Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army]. Sost. F. Starikov. Orenburg, 1891. [in Russian]

[Khalfin, 1974](#) – Khalfin, N.A. (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. M., 406 p. [in Russian]

[Khoroshkhin, 1876](#) – Khoroshkhin, A.P. (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestantskogo kraia [Collection of articles related to the Turkestan region]. SPb. [in Russian]

[Pochekaev, 2017](#) – Pochekaev, R.Yu. (2017). Iz rabov v gospoda: «kar'era» russkikh plennikov v sredneaziatskikh khanstvakh XVIII–XIX vv. [From Slaves to Masters: The “Career” of Russian Captives in the Central Asian Khanates of the 18th–19th centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 18: 58-63. [in Russian]

[Rodin, 2022](#) – Rodin, D.V. (2022). Khivinskii pokhod V.A. Perovskogo 1839–1840 gg. v kontekste anglo-russkogo sopernichestva v Srednei Azii [Khiva campaign V.A. Perovsky 1839–1840 in the context of Anglo-Russian rivalry in Central Asia]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. T. 7. 1(25): 34-57. [in Russian]

[Vdovin, 2022](#) – Vdovin, S.S. (2022). Vzaimootnosheniya Khivinskogo khanstva s sosedyami v pervoi polovine XIX v. [Relations between the Khiva Khanate and its neighbors in the first half of the 19th century]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. 12. 8(89): 3079-3086. [in Russian]

[Vdovin, Syzdykova, 2021](#) – Vdovin, S.S., Syzdykova, Zh.S. (2021). Etnicheskii sostav i territorial'noe ustroystvo Khivinskogo khanstva XVIII–XIX vv. [Ethnic Composition and Territorial Structure of the Khiva Khanate in the 18th–19th Centuries]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. T. 11. 7 (76): 1996-2004. [in Russian]

[Zinkovskii et al., 2021](#) – Zinkovskii, S.B., Malakhova, V.Yu., Denisov, I.S., Makarov, Yu.N. (2021). Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners). *Bylye Gody*. 16(2): 689-698.

[Tarasov, 2021](#) – Tarasov, M.G. (2021). Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840. *Bylye Gody*. 16(3): 1181-1190.

Центральноазиатское рабовладельческое общество (первая половина XIX в.): к вопросу о преступлении и наказании рабов

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Елена Константиновна Минеева ^c, Ольга Александровна Ефимова ^d, Лариса Александровна Королева ^e

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

^c Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается проблема преступления и наказания рабов в центральноазиатском рабовладельческом обществе в первой половине XIX века. Сделана попытка классификации преступлений.

В качестве источников авторами были использованы материалы опросов находившихся в рабстве в Центральной Азии русских пленников, освобожденных в 1839 г. Данные документы отложились в деле об освобождении из Хивинского ханства 80 русских пленников, хранящемся в Государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

В заключении авторы отмечают, что в Хивинском ханстве как таковых правил о преступлении и наказании рабов не существовало: каждый рабовладелец распоряжался рабом по своему усмотрению и относился к нему как к собственности. Рабовладелец имел законное право распоряжаться жизнью раба, но лишать его жизни не торопился, так как раба практически всегда можно было перепродать. Наиболее распространенными были профилактические наказания – нанесение побоев рабу с целью демонстрации его социального статуса. За кражу или не выход на работу рабовладелец мог применить следующие виды наказания – отрезать уши или нос, подвергнуть пыткам или даже убить своего раба. К наиболее тяжким преступлениям в рабовладельческом обществе относилась попытка бегства раба от хозяина. И здесь рабовладельцы действовали с учетом своих интересов, в большинстве случаев наказания выражались в жестких избиениях, порке, пытках; однако если в это дело вмешивался хивинский хан, то жертва побега обрекалась на мучительную смерть. Так или иначе жизнь пленников в Хивинском ханстве не отличалась своей продолжительностью, на это влияли изнурительный труд, голод, побои и увечья. Десять лет в рабстве могли прожить лишь немногие, а 20 и более – единицы.

Ключевые слова: Центральная Азия, рабство, Хивинское ханство, первая половина XIX в., система наказания, рабовладельцы, рабы.